

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-27-35

УДК 93/94

В.А. Волков

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация;

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
101000 г. Москва, Российская Федерация;

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
105005 г. Москва, Российская Федерация

Роковой яд «в куряти». Смерть Дмитрия Шемяки и окончание московско-галичских войн второй четверти XV в.

Целью исследования является уточнение обстоятельств смерти князя Дмитрия Шемяки. В 1453 г. он был устранен по приказу московского государя Василия Темного (его двоюродного брата и конкурента в борьбе за великокняжеский престол). Актуальность темы: особенности политической борьбы в эпоху феодализма. Впервые в науке замысел этого убийства связывается с отравлением литовского князя Михаила Сигизмундовича, жившего в Москве и в 1452 г. ликвидированного там, видимо, агентами польско-литовского короля Казимира IV. Смерть последнего претендента на власть в Великом княжестве Литовском привела к умиротворению в государстве Гедиминовичей. Этот пример привел московского князя к мысли о физическом устранении противника для прекращения усобиц и распрей и в Великом княжестве Московском.

© Волков В.А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Московское княжество в середине XV в., смерть Дмитрия Шемяки, окончание междоусобной войны

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Волков В.А. Роковой яд «в куряти». Смерть Дмитрия Шемяки и окончание московско-галичских войн второй четверти XV в. // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 2. С. 27–35. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-27-35

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-27-35

V.A. Volkov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;

Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture,
Moscow, 101000, Russian Federation;

Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, 105005, Russian Federation

Fatal poison in chicken meat. The death of Dmitry Shemyaka and the end of the Muscovite-Galician wars of the second quarter of the XV century

The article examines the circumstances of the death of Prince Dmitry Shemyaka, who was eliminated in 1453 by order of the Moscow emperor Vasily the Dark (his cousin and competitor in the struggle for the grand throne). The relevance of the topic is connected with the features of the political struggle in the era of feudalism. For the first time in research papers, the idea of this murder is associated with the poisoning of Lithuanian Prince Mikhail Sigismundovich, who lived in Moscow and was killed there in 1452 by his enemies, apparently agents of King of Poland Casimir IV. This example led the Moscow prince to the idea of physically eliminating the enemy in order to end disputes and strife in the Grand Duchy of Moscow.

Key words: Moscow Principality in the middle of the XV century, death of Dmitry Shemyaka, end of the Muscovite War of Succession

FOR CITATION: Volkov V.A. Fatal poison in chicken meat. The death of Dmitry Shemyaka and the end of the Muscovite-Galician wars of the second quarter of the XV century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 2. Pp. 27–35. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-2-27-35

После разгрома военных сил галичского князя Дмитрия Юрьевича Шемяки на Русском Севере ни он, ни его двоюродный брат и заклятый враг Василий II активных военных действий больше не предпринимали. Вместе с остатками своих сил оппонент московского государя укрылся в Великом Новгороде. Но состояние зловещей неопределенности сохранялось вплоть до внезапной смерти Шемяки в 1453 г., там же, в граде Святой Софии.

В настоящее время исследователи не сомневаются, что кончина князя была насильственной. Большинство полагает, что его отравил подкупленный московскими людьми повар с говорящим прозвищем Поганка, который в нужное время приготовил и подал своему господину ядовитое «зелье в куряти»¹.

С нашей точки зрения, замысел ликвидации Дмитрия Шемяки оформился после внезапной и страшной смерти литовского князя Михаила Сигизмундовича (двоюродного брата Софьи Витовтовны и дяди Василия II), жившего в Москве и там отравленного в начале 1452 г. [5, с. 313]. Тем не менее, смерть последнего легитимного претендента на власть в Великом княжестве Литовском привела к умиротворению в государстве Гедиминовичей. Эффективность решения острой проблемы заставила задуматься и московского государя, у которого был собственный опасный конкурент, укрывавшийся в Новгороде, но не сдававшийся и не собиравшийся отказываться от великого княжения. Пример действенности физического устранения противника стал побудительным мотивом для сторонников прекращения смут и в Великом княжестве Московском.

К тому времени Дмитрий Шемяка, некогда почти на равных соперничавший с Василием II, потерял все свои города и волости. Его войска были разгромлены и рассеяны. Победу Москвы над Галичем обеспечили несколько факторов.

Во-первых, военная и политическая поддержка, оказанная Василию Васильевичу тверским князем Борисом Александровичем. Прежде он был союзником Шемяки и помог ему захватить Москву в феврале 1446 г. Но затем их альянс распался. Причиной тому стало публичное

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 23. СПб., 1910. С. 155.

обещание ставшего великим князем Дмитрия Юрьевича защитить независимость Новгорода. Это не могло не встревожить Бориса Александровича, враждовавшего с властями Государства Святой Софии. Тверской князь поспешил заключить с бежавшим из заточения Василием II договор о совместных действиях против Шемяки. Соглашение скрепило соглашение о династическом браке малолетнего его наследника Ивана и тверской княжны Марии (поженились они, правда, только в 1452 г., когда им исполнилось 12 и 10 лет, соответственно). Оказанная после этого Борисом Александровичем помощь Василию Васильевичу была весьма ценной: он обладал лучшей тогда на Руси артиллерией.

Именно тверские пушки повергнут оборону Углича, одной из лучших крепостей Шемяки. Город держался, пока в бой не вступили орудия, присланные князем Борисом Александровичем. Командовать обстрелом будет знаменитый тверской пушкарь Микула Кречетников, о котором инок Фома, автор «Слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче», писал: «Таков беаше мастер, но яко и среди немец не обрести такова»². Микула Кречетников не только ковал пушки, не уступающие европейским, но и командовал «нарядом» в походе на Углич, а потом и на Ржев в 1447 г. под знаменами великого князя московского Василия II.

Как уже говорилось выше, особенно пригодилась тверская артиллерия при осаде Углича. Когда туда привезли «пушки, тогда воеводы великого князя Бориса Александровича, Борис и Семен, служащие как добрые и храбрые воины государю своему, великому князю Борису Александровичу, стали готовиться к предстоящей брани, а пушки поставили у самой городской стены и приказали стрелять; сами же двинулись на приступ, и все москвичи дивились их отваге, и дерзости, и великому их ратному искусству»³.

Во-вторых, сторону Василия II приняли иерархи Русской православной церкви. В этом, несомненно, сыграла роль его позиция противника унии с католическим Западом. Ведь именно Василий Васильевич изгнал в 1439 г. митрополита-грека Исидора. Тот был поставлен по обычаю на Русскую митрополию в Константинополе и подписал в этом сане Флорентийскую унию православной и католической церквей. Замысел подчинения Руси Риму провалился во многом из-за твердой позиции московского государя. После этого собор русских епископов в 1441 г. уже без согласия Константинопольского патриарха избрал митрополитом

² Инока Фомы «Слово похвальное» // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 320.

³ Там же.

епископа Иону, что стало важным шагом на пути становления самостоятельности русской церкви.

В момент решающего столкновения братьев игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон освободил Василия Васильевича от крестоцеловальной клятвы, данной Шемяке прилюдно в том, что впредь больше не будет стремиться к великому княжению⁴. Составитель Львовской летописи уточнил, что настоятель Трифон при этом сказал: «тот грех на мне и на моей братии головах, что еси целовал (крест. – В.В.) и крепость давал князь Дмитрею; и поиди, государь, с Богом и с своею правдою на великое княжение, на свою отчину на Москву, а мы Господа Бога молим и благословляем»⁵.

В-третьих, 31 августа 1449 г. был заключен договор с польско-литовским королем Казимиром IV, обезопасивший западные границы Московского государства⁶. Получив обещание не принимать и не поддерживать Дмитрия Шемяку, великий князь согласился признать принадлежащими Великому княжеству Литовскому не только западнорусские земли, но и Смоленск и Верховские княжества, служившие причиной раздоров между странами. Московско-литовская граница сохранялась до середины 1480-х гг.

В-четвертых, сказались реформы, проведенные Василием II на рубеже 1440-х – 1450-х гг., позволившие укрепить московское войско. Они дополнились важным контингентом – служилыми татарами, полностью подконтрольными великому князю. Первое свидетельство об этом относится к 1447 г. В своем послании Шемяке церковные иерархи сообщали, что татары поселены на христианских землях из-за его вражды с Василием II. Они обещали, что если Дмитрий Юрьевич смирится, то «того ж часа князь великий татар из земли вон отошлет»⁷.

Тогда же была проведена реформа Государева двора, превратившегося в серьезную боевую силу. Эту своего рода «гвардию» великого князя возглавили два воеводы – князь Иван Васильевич Стрига Оболенский и Федор Васильевич Басёнок. (Во всяком случае, во время осады Шемякой Костромы в 1449 г. город обороняло дворовое войско под командованием именно этих воевод⁸.) Они реформировали

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 23. СПб., 1910. С. 153.

⁵ Там же. С. 260.

⁶ Духовные и договорные грамоты. М.-Л., 1950. № 53. С. 160–163. Помимо московского государя, в утверждении договора участвовала и его «молодая братья» – Иван Андреевич Можайский, Михаил Андреевич Верейский и Василий Ярославич Серпуховской (см. там же, с. 163).

⁷ Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. № 40. С. 79.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 208.

великокняжескую армию, включив в нее полки детей боярских, ранее действовавших в составе территориальных ополчений, подчиненных местным воеводам.

Принятые меры по собиранию всех сил и ресурсов против непокорного князя оказались весьма действенными. Точкой невозврата стало падение Галича. 27 января 1450 г. в битве под своим стольным городом Шемяка был разбит и бежал⁹.

Но военное счастье бывает переменчивым, и в Москве понимали, что укрывшийся в Новгороде галичский изгнанник, продолжавший титуловаться великим князем, никогда не откажется от своих амбиций и не смиритсЯ с поражением.

Операцию по ликвидации Дмитрия Шемяки возглавил один из самых доверенных людей московского князя – его дьяк Степан Никифорович Бородатый. Стоит охарактеризовать этого незаурядного человека. Он был близок еще к отцу государя, Василию, и знал многие тайны московского двора (именно этот дьяк поведал летописцу обстоятельства рождения Василия II)¹⁰. Установлено, что сам Степан (Стефан) Никифорович происходил из Ростовской земли, о чем свидетельствует его второе, помимо «Бородатый», прозвище – «Ростовец» [8, с. 120]. Но служил он московскому князю дьяком достаточно долго, по подсчетам И.Г. Пономаревой, «по меньшей мере, лет 30» [Там же, с. 121]. Это был, несомненно, очень умный, деятельный и, что важнее, преданный своему повелителю человек [7, с. 416–417; 9, с. 209–219]. Именно Степан Бородатый, по достоверному сообщению Ермолинской и Львовской летописей, привез в Новгород яд («смертное зелие»)¹¹ [2, с. 157–160; 8, с. 122]. Однако доставить отраву было мало: требовалось найти того, кто бы смог осуществить планы московских властей. У Степана Никифоровича оказался помощник, вхожий в окружение Дмитрия Юрьевича, который и стал непосредственным организатором акции по устранению. Это служивший Шемяке боярин Иван Котов (в Львовской летописи его имя значится как «Нотов»)¹².

В причастности данного человека к устранению галичского князя был уверен весьма почитаемый уже при жизни боровский игумен

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.-Л., 1959. С. 209.

¹⁰ Там же. Т. 24. Пг., 1921. С. 177; Там же. Т. 25. М.-Л., 1949. С. 241–242.

¹¹ Там же. Т. 20. СПб., 1910. С. 262; Там же. Т. 23. СПб., 1910. С. 155.

¹² Там же. Т. 20. СПб., 1910. С. 262. Подробное исследование версии о его причастности см. в статье А.Г. Боброва «Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинока Ефросина Белозерского (опыт реконструкции)» [1, с. 122–123]. Об ошибочности прочтения фамилии Котова в списке Львовской летописи Карла Эттера писала И.Г. Пономарева [8, с. 122].

Порфирий, хорошо информированный о делах московского государя (возможно, узнавший от Василия Ярославича, который сначала враждовал со святым старцем, но затем примирился с ним). Так, много лет спустя, встретив в своей обители некое странствующего монаха, Порфирий Боровский сразу же скажет, что тот, даже постригшись, «не очистился от крови князя Дмитрия, которого уморил»¹³. Полагают, что этим иноком и был вышеупомянутый боярин Иван Котов.

Непосредственным исполнителем замысла московских агентов стал подкупленный ими повар по прозвищу Поганка. Именно он, как мы уже упоминали, и положил переданную ему отраву в куриное мясо, приготовленное для трапезы Дмитрия Юрьевича. «И принесоша его предъ князь; и яде не ведъи мысли ихъ; не случи же ся никому дати его»¹⁴. Отравленный Шемяка умирал долго (12 дней) и очень мучительно. В ходе медицинского исследования останков князя, проведенного в 1987 г., было установлено, что его отравили мышьяком. Это вызвало обезвоживание организма и последующую мумификацию тела.

Как отметил заинтересовавшийся этой трагической историей В.Л. Янин, «при желудочно-кишечной форме отравления мышьяком болезнь продолжается до двух недель (по летописи, Шемяка “лежа 12 дней преставися”) и заканчивается летальным исходом. В процессе болезни происходит резкое обезвоживание организма, которое сопровождается выведением из него большей части яда, но именно такое обезвоживание и служит причиной мумификации тканей» [10, с. 111]. В приложении к своей книге «Некрополь Софийского собора» В.Л. Янин опубликовал текст судебно-медицинской экспертизы останков Дмитрия Шемяки, прежде ошибочно отождествлявшихся с мощами Святого Федора Ярославича, рано умершего старшего брата Александра Невского. Акт был составлен 10 августа 1987 г. [Там же, Приложение 4, с. 210–217].

Совсем иную версию о заказчике отравления Шемяки выдвинул недавно историк Д.М. Володихин. Он предположил, что «новгородцы сами решили избавиться от человека-проблемы, крепко ссорившего их с могучей Москвой» [3, с. 205]. Убедительных подтверждений этой смелой гипотезы не существует. Справедливости ради отметим, что в своей книге «Рюриковичи» историк упомянул и о возможности отравления Шемяки людьми великого князя, красиво расцветив свою мысль

¹³ Троицкий патерик, или Сказания о святых угодниках Божиих, под благодатным водительством преподобного Сергия в его Троицкой и других обителях подвигом просиявших. Сергиев Посад, 2008. С. 257.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 20. СПб., 1910. С. 262.

кружевами слов: «по всей видимости, московское серебро решило исход войны вернее, чем московская сталь» [3, с. 205].

Важно отметить другое: современники не сомневались в преднамеренном (можно прямо сказать – заказном) характере убийства Шемяки. Так, отравление Дмитрия Юрьевича стало причиной ссоры между великим князем и его духовником Мартинианом Белозерским, оставившим в знак протеста игуменство в Троице-Сергиевой обители и удалившимся в далекий северный Ферапонтов монастырь.

После мучительной кончины Дмитрий Шемяка был погребен в особо почитаемом новгородцами Георгиевском соборе древнего Юрьева монастыря. В начале XVII в., во время шведской оккупации Новгорода, его останки перенесли в Софийский собор (как сказано выше, их тогда ошибочно приняли за мощи Святого Федора Ярославича). Впоследствии их изучение, начатое еще в 1919 г., продолженное в 1930-х гг. и завершенное летом-осенью 1987 г., показало, что на момент смерти Дмитрию Юрьевичу было около 40 лет. Это позволило исследователям уточнить и приблизительную дату рождения князя – 1413 г. Кроме того, выяснилось, что для своего времени он был достаточно высок: его рост составлял 175 см. [4, с. 86].

Несмотря на явную аморальность действий Василия II, погубившего близкого родича, в прагматическом смысле его поступок оказался оправдан. Равно как и смерть Михаила Сигизмундовича, умиротворившая Великое княжество Литовское, ликвидация Дмитрия Шемяки повлекла за собой прекращение многолетней междоусобной войны и последующее возвышение Московского государства. Свершившееся оказалось *ad bonum publicum* – полезным для общественного блага.

Библиографический список / References

1. Бобров А.Г. Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинюка Ефросина Белозерского (опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 94–172. [Bobrov A.G. The early period of the biography of Prince Ivan Dmitrievich, the holy monk Efrosin Belozersky (reconstruction experience). *Knizhnye tsenry Drevney Rusi: Kirillo-Belozerskiy monastyr*. St. Petersburg, 2008. Pp. 94–172. (In Rus.)]
2. Бобров А.Г. «Рука Москвы»: правка текста в Синодальном списке Новгородской первой летописи // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 64. 2016. Гл. 3. Дьяк Степан Бородатый. С. 157–160. [Bobrov A.G. “The Hand of Moscow”: Editing the text in the Synodal list of the Novgorod First Chronicle. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 64. 2016. Chapter 3. Dyak Stepan Borodaty. Pp. 157–160. (In Rus.)]
3. Володихин Д.М. Рюриковичи. М., 2013. [Volodikhin D.M. Rurikovichi [Rurik dynasty]. Moscow, 2013.]

4. Гинзбург В.В. О «мощах» из Софийского собора в Новгороде // Новгородский исторический сборник. Вып. 8. Новгород, 1940. С. 85–90. [Ginzburg V.V. About the “relics” from St. Sophia Cathedral in Novgorod. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. Issue 8. Novgorod, 1940. Pp. 85–90. (In Rus.)]
5. Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года. М., 2005. [Gudavicius E. *Istoriya Litvy* [The history of Lithuania]. Vol. 1. From ancient times to 1569. Moscow, 2005.]
6. Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. М., 2008. [Kuzmina O.V. *Respublika Svyatoy Sofii* [Republic of St. Sophia]. Moscow, 2008.]
7. Лурье Я.С. Стефан Бородастый // Словарь книжников. Ч. 2: Вторая половина XIV – XVI вв. Л., 1989. С. 416–417. [Lurie Ya.S. Stefan Borodaty. *Slovar knizhnikov*. Part 2. The second half of the XIV – XVI centuries. Leningrad, 1989. Pp. 416–417. (In Rus.)]
8. Пономарева И.Г. Великокняжеский дьяк Стефан Никифорович Бородастый // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 120–128. [Ponomareva I.G. The Grand Ducal clerk Stefan Nikiforovich Borodaty. *Voprosy istorii*. 2012. No. 3. Pp. 120–128. (In Rus.)]
9. Пуцко В.Г. Белокаменный крест 1458 г. дьяка Стефана // *Byzantinoslavica*. 1976. Т. XXXVII. С. 209–219. [Putsko V.G. The white stone cross of 1458 by deacon Stefan. *Byzantinoslavica*. 1976. Vol. XXXVII. Pp. 209–219. (In Rus.)]
10. Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. [Yanin V.L. *Nekropol Novgorodskogo Sofiyskogo sobora* [Necropolis of the Novgorod St. Sophia Cathedral]. Moscow, 1988.]

Статья поступила в редакцию 05.04.2024, принята к публикации 09.05.2024
The article was received on 05.04.2024, accepted for publication 09.05.2024

Сведения об авторе / About the author

Волков Владимир Алексеевич – доктор исторических наук; профессор кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; профессор кафедры народной художественной культуры, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, г. Москва; профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)

Vladimir A. Volkov – Dr. History Hab.; Professor at the Department of History of Russia of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; Professor at the Department of Folk Artistic Culture, Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Moscow; Professor at the Department of History of the Faculty of Social Sciences and Humanities, Bauman Moscow State Technical University

E-mail: lee8@mail.ru